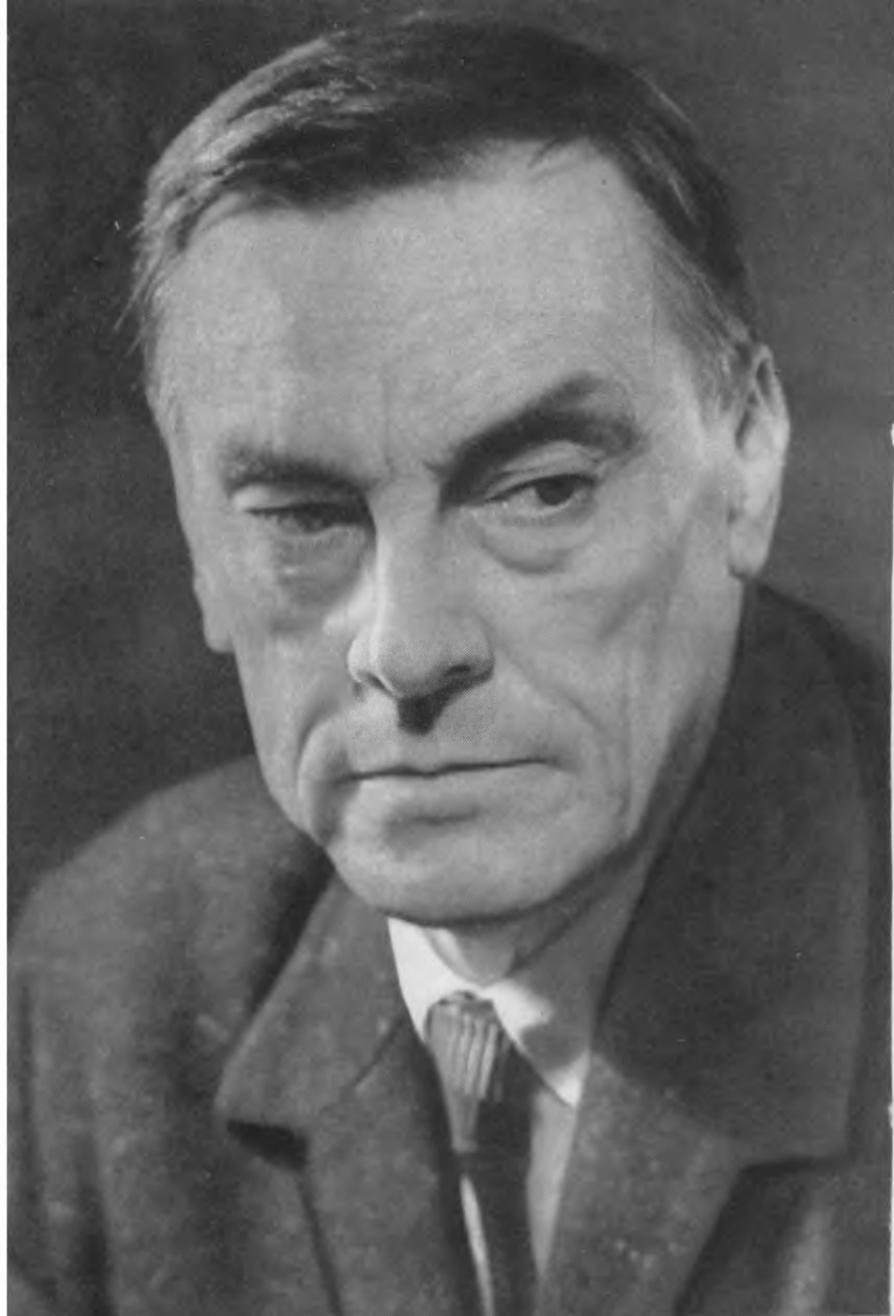

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ • ЗЕМЛЕ - ЗЕМНОЕ

АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ

ЗЕМЛЕ-
ЗЕМНОЕ

**АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ**

**ЗЕМЛЕ-
ЗЕМНОЕ**

**ВТОРАЯ КНИГА
СТИХОВ**

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1966**

Взыскательным любителям и ценителям современной поэзии давно знакомо имя Арсения Тарковского — талантливого поэта, автора интересной книги лирики «Перед снегом», изданной в 1962 году.

Высокая культура стиха, убежденная страстность, закованная в строгие латы безукоризненной формы, напряженность беспокойной, ищущей мысли — все эти качества присущи и новой книге Тарковского. Тема России, ее славы, ее будущего — вот основной идейный и сюжетный стержень сборника.

**КАМЕНЬ
НА ПУТИ**

СЛОВАРЬ

**Я ветвь меньшáя от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.**

**Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.**

**Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.**

Его словарь открыт во всю страницу
От облаков до глубины земной.
— Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в кринуцу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

1963

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной, —

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках,

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окрестный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно: от всего живого
Я принял только свет и звук, —
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

1965

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покрова,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры — хватать! — и рифмами двоят.

Сказать по правде, мы уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кашеевой считалки постоянство.
Всему свой срок. Живет в пещере страх,
В созвучье — допотопное шаманство.

И может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно

**Коперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,**

**Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье!
Дай эту нить связать и раздвоить!
Ты помнишь рифмы влажное биенье?**

1957

ПЕСНЯ ПОД ПУЛЯМИ

Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк, мы где-то рядом
В текучем словаре земли.

Держась бок о бок, как слепые,
Руководимые судьбой,
В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.

У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг
И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.

Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Еще перешибут хребет.

1944

ПОЭТЫ

Мы звезды меняем на птичьи кларнеты
И флейты, пока еще живы поэты,
И флейты — на синие щетки цветов,
Трещотки стрекоз и кнуты пастухов.

Как странно подумать, что мы променяли
На рифмы, в которых так много печали,
На голос, в котором и присвист и жечь,
Свою корневую подземную честь.

А вы нас любили, а вы нас хвалили,
Так что ж вы мерещитесь в облаке пыли
И молча плывете, в ладьях накренься,
Косарь, и псалтырщик, и плотничий князь?

1952

СТИХИ В ТЕТРАДЯХ

Мало ли на свете
Мне давно чужого —
Не пред всем в ответе
Музыка и слово.

А напев случайный,
А стихи — на что мне?
Жить без глупой тайны
Легче и бездомней.

И какая малость
От нее осталась —
Разве только жалость,
Чтобы сердце сжалось,

Да еще привычка
Говорить с собою,
Спор да перекличка
Памяти с судьбою...

1947

ЭСХИЛ

В обнимку с молодостью, второпях,
Чурался я отцовского наследия
И не приметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия.

Почти касаясь клюва и когтей,
Обманутый тысячелетней сказкою,
С огнем и я играл, как Прометей,
Пока не рухнул на гору кавказскую.

Гонца богов, мальчишку, холая,
На крылышках снующего над сценою,
— Смотри, — молю, — вот кровь и кость моя,
Иди, возьми что хочешь, хоть вселенную!

Никто из хора не спасет меня,
Не крикнет: «Смилуйся или добей его!»
И каждый стих, звучащий дольше дня,
Живет все той же казнью Прометеевой.

1952

КАМЕНЬ НА ПУТИ

Пророческая власть поэта
Бессильна там, где в свой рассказ
По странной прихоти сюжета
Судьба живьем вгоняет нас.

Вначале мы предполагаем
Какой-то взгляд со стороны
На то, что адом или раем
Считать для ясности должны.

Потом, кончая со стихами,
В последних четырех строках
Мы у себя в застенке сами
Себя свежем второпях.

Откуда наша власть? Откуда
Все тот же камень на пути?
Иль новый бог, творящий чудо,
Не может сам себя спасти?

1960

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...

**Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.**

**Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.**

**Как боялся он пространства
Коридоров! постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.**

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, —
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лёту брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам спую по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерма,

**Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.**

**Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.**

1963

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

**Все наяву связалось — воздух самый
Вокруг тебя до самых звезд твоих,
И поясок, и каждый твой упрямый
Упругий шаг, и угловатый стих.**

**Ты, не отпущенная на поруки,
Вольна гореть и расточать вольна,
Подумай только: не было разлуки,
Смыкаются, как воды, времена.**

**На радость — руку, на печаль, на годы
Смеженных крыл не размыкай опять:
Тебе подвластны гибельные воды,
Не надо снова их разъединять.**

1939

СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает. Все равно.
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.

 Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

**Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка — судьба,
И переупрямит над Камой...**

1963

КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сгорел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельной.

Я отброшен тетивой
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?..

1941 — 1963

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Не речи —

Нет, я не хочу
Твоих сокровищ — клятв и плачей, —
Пера я не переучу
И горла не переиначу, —

Не смелости пред смертью, —
ты

Все замыслы довплотила
В свои тетради до черты,
Где кончились твои чернила, —

Не первородству, —
я отдам

Свое, чтобы тебе по праву
На лишний день вручили там —
В земле — твою земную славу, —

Не дерзости твоих страстей
И не тому, что все едино,

А только памяти твоей
Из гроба научи, Марина!

Как я боюсь тебя забыть
И променять в одно мгновенье
Прямую фосфорную нить
На удвоенье, утроенье
Рифм —

и в твоём стихотворенье
Тебя опять похоронить.

1963

КОМИТАС

**Ничего душа не хочет,
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет
Как безумный Комитас.**

**Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.**

**Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.**

**И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.**

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда страшного суда.

1959

ПОСЛЕ ПОХОРОН Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

За мертвым сиротливо и пугливо
Душа тянулась из последних сил,
Но мне была бессмертьем перспектива
В минувшем исчезающих могил.

Листва, трава — все было слишком живо,
Как будто лупу кто-то положил
На этот мир смущенного порыва,
На эту сеть пульсирующих жил.

Вернулся я домой, и вымыл руки,
И лег, закрыв глаза. И в смутном звуке,
Проникшем в комнату из-за окна,

И в сумерках, нависших как в предгрозье,
Без всякого бессмертья, в грубой прозе
И наготе стояла смерть одна.

1962

СТЕПНАЯ ДУДКА

I

Жили, воевали, голодали,
Умирали врозь, по одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла,
Хоть моим рифмовником жива.

1962

II

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная,
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

1960

III

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Мариула,

И потому семья
У нас не без уroda
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

1964

IV

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И кесарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и желчь любил я этот край
И говорил: — Кузнечик мой, играй! —
И говорил: — Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечье молоко.

1962

О, ТОЛЬКО БЫ ПРИВСТАТЬ

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды,
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюдца
Листа ворсистого хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,
Дай клятву мне — взамен принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнем обжечь.

1965

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

**Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,**

**Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.**

**Всё, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще склониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.**

1965

ЯВЬ И РЕЧЬ

Как зрение — сетчатке, голос — горлу,
Число — рассудку, ранний трепет — сердцу,
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

Я гнул его, как лук, я тетивой
Душил его — и клятвой пренебрег.

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню — Фома,
Вложил в зияющую рану мира,
А рана мира облегла меня;
И жизнь жива помимо нашей воли.

Зачем учил я посох прямизне,
Лук — кривизне и птицу — птичьей роще?
Две кисти рук, вы на одной струне,
О явь и речь, зрачки расширьте мне
И причастите вашей царской мощи,
И дайте мне остаться в стороне

**Свидетелем свободного полета
Воздвигнутого чудом корабля,
О, два крыла, две лопасти оплота,
Надежного, как воздух и земля!**

1965

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Как волна на волну набегают,
Гонит волну пред собой, нагоняема сзади волною,
Так же бегут и часы...

Овидий, «Метаморфозы», XV (перевод С. Шервинского).

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Ты ангел и дитя, ты первая страница,
Ты катишь колесо прибой пред собой —
Волну вослед волне, и гонишь, как прибой,
За часом новый час — часы, как часовщица.

И все, что бодрствует, и все, что спит и снится,
Слетается на пир зелено-голубой,
А я клянусь тебе, что княжил над судьбой,
И хоть поэтому ты не могла не сбыться.

Я под твоей рукой, а под рукой моей
Земля семи цветов, и синь семи морей,
И суток лучший час, и лучший месяц года,

И лучшая пора бессонниц и забот —
Спугнет тебя иль нет в час твоего прихода
Касатки головокружительный полет.

1964

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Кольшется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поемном лугу
На том берегу
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

1960

ПРОХОЖИЙ

Прохожему — какое дело,
Что кто-то вслед за ним идет,
Что мне толкаться надоело,
Стучаться у чужих ворот?

И никого не замечает,
И белый хлеб в руках несет,
С досужим ветерком играет,
Стучится у моих ворот.

Из дома девушка выходит,
Подходит и глядит во тьму,
В лицо ему фонарь наводит,
Не хочет отворить ему.

— Что, скажет, бродишь, колобродишь,
Зачем еще приходишь к нам,
Откуда, скажет, к нам приходишь
Стучаться по ночам?

1931

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали как преображенье
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла.
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота.
И просыпаясь, «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевою вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

**С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь:
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! и я без пальто выходил.**

**Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям:
Ни словом унять, ни платком утереть...**

1941

«Я УЖЕ СЛЫШАЛА ЭТУ ПЕСНЮ»

Я так давно родился,
Что слышу иногда,
Как надо мной проходит
Студеная вода,
А я лежу на дне речном,
И если песню петь —
С травы начнем, песку зачерпнем
И губ не разомкнем.

Я так давно родился,
Что говорить не могу,
И город мне приснился
На каменном берегу,
А я лежу на дне речном
И вижу из воды
Далекий свет, высокий дом,
Зеленый луч звезды.

Я так давно родился,
Что если ты придешь

И руку положишь мне на глаза,
То это будет ложь,
А я тебя удержать не могу,
И если ты уйдешь
И я за тобой не пойду как слепой,
То это будет ложь.

1938

ПОД ПРЯМЫМ УГЛОМ

Мы — только под прямым углом,
Наперекор один другому,
Как будто не привыкли к дому
И в разных плоскостях живем,

Друг друга потеряли в давке
И порознь вышли с двух сторон
И бережно несем, как сон,
Оконное стекло из лавки.

Мы отражаем все и вся
И понимаем с полуслова,
Но только не один другого,
Жизнь, как стекло, в руках неся.

Пока мы время тратим, споря
На двух враждебных языках,
По стенам катятся впотьмах
Колеса радуг в коридоре.

1940

ИГНАТЬЕВСКИЙ ЛЕС

Последних листьев жар сплошным
самосожжением
Восходит на́ небо, и на пути твоём
Весь этот лес живет таким же раздраженьем,
Каким последний год и мы с тобой живем.

В заплаканных глазах отражена дорога,
Как в пойме на пути, кусты отражены.
Не привередничай, не угрожай, не трогай,
Не задевай лесной наволгшей тишины.

Ты можешь услышать дыханье старой жизни:
Осклизлые грибы в сырой траве растут,
До самых сердцевин их проточили слизи,
А кожу все-таки щекочет влажный зуд.

Все наше прошлое похоже на угрозу —
Смотри, сейчас вернусь, гляди, убью сейчас!
А небо ежится и держит клен, как розу, —
Пусть жжет еще сильнее! — почти у самых глаз.

1935

ТЕМНЕЕТ

**Какое счастье у меня украли!
Когда бы ты пришла в тот страшный год,
В орлянку бы тебя не проиграли,
Души бы не пустили в оборот.**

**Мне девочка с венгерскою шарманкой
Поет с надрасной хрипотой о том,
Как вывернуло время вверх изнанкой
Твою судьбу под проливным дождем.**

**И старческой рукою моет стекла
Сентябрьский ветер, и уходит прочь,
И челка у шарманщицы намокла,
И вот уже у нас в предместье — ночь.**

1952

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заране
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

1943

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка.
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —

Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

1960

НОЧЬ ПОД ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Пока еще последние колена
Последних соловьев не отгремели
И смутно брезжит у твоей постели
Боярышника розовая пена,

Пока ложится железнодорожный
Мост, как самоубийца, под колеса
И жизнь моя над черной рябью плеса
Летит стремглав дорогой непреложной,

Спи, как на сцене, на своей поляне,
Спи, — эта ночь твоей любви короче, —
Спи в сказке для детей, в ячейке ночи,
Без имени в лесу воспоминаний.

Так вот когда я стал самим собою,
И что ни день мне новый день дороже,
Но что ни ночь — пристрастнее и строже
Мой суд нетерпеливый над судьбою...

**ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ
ГОДА**

ВЕСЕННЯЯ ПИКОВАЯ ДАМА

**Зимний Германн поставил
Жизнь на карту свою,—
Мы играем без правил,
Как в неравном бою.**

**Тридцать первого марта
Карты сами сдаем.
Снега черная карта
Бита красным тузом.**

**Германн дернул за ворот
И крючки оборвал,
И свалился на город
Воробьиный обвал,**

**И ножи конькобежец
Зашвырнул под кровать,
Начал лед-громовержец
На реке баловать,**

**Охмелев от азарта,
Мечет масти квартал,
А игральные карты
Сроду в руки не брал.**

1964

ФОНАРИ

Мне запомнится таянье снега
Этой горькой и ранней весной,
Пьяный ветер, хлеставший с разбега
По лицу ледяною крупой,
Беспокойная близость природы,
Разорвавшей свой белый покров,
И косматые шумные воды
Под железом угрюмых мостов.

Что вы значили, что предвещали,
Фонари под холодным дождем,
И на город какие печали
Вы наслали в безумье своем,
И какую тревогою ранен,
И обидой какой уязвлен
Из-за ваших огней горожанин,
И о чем сокрушается он?

А быть может, он вместе со мною
Исполняется той же тоски

И следит за свинцовой волною,
Под мостом обходящей быки?
И его, как меня, обманули
Вам подвластные тайные сны,
Чтобы легче нам было в июле
Отказаться от черной весны.

1951

ШИПОВНИК

Т. О.-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнбой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

1962

ЯЛИК

Что ты бредишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя поберег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бродишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне «добрый путь!»,
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,
И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой.

1940

БЕЛЫЙ ДЕНЬ

Камень лежит у жасмина,
Под этим камнем — клад,
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.

В цвету серебристый тополь,
Центифолия, а за ней
Вьющиеся розы,
Молочная трава.

Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.
Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот белый день.

1942

ДОМ ПОД ГОРОЙ

**Ребенок идет босиком по тропинке,
Несет землянику в открытой корзинке,
А я на него из окошка смотрю,
Как будто в корзинке несет он зарю.**

**Когда бы ко мне побежала тропинка,
Когда бы в руке закачалась корзинка,
Не стал бы глядеть я на дом под горой,
Не стал бы завидовать доле другой,
Не стал бы совсем возвращаться домой.**

1933

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
Светло-синий,
Светло-коричневый там, где по синему камню
писало перо Азраила,
Вкруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях горделивой
земли?
Как я посмел променять на чет и нечет любви
Разреженный воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?

Петь:
**«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?**

1946

ДЕРЕВЬЯ

Державы птичьей нищеты,
Ветров зеленые кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорожденные деревья.

Зато как воины стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят, и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранство золотое:
Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья — пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из черной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой
И света ищут в синеве
Еще, быть может, до рассвета.

Как будто горцы к нам пришли
С оружием своим старинным
На праздник матери-земли
И станом стали по низинам;

Созвучья струн волосяных
Налетом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точеных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвою:
И мы чем выше, тем упорней,
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

ИЗ ОКНА

**Наверчены звездные линии
На северном полюсе мира,
И прямоугольная, синяя
В окно мое вдвинута лира.**

**А ниже — бульвары и здания
В счастливом кристальном напеве —
Как будущее, как сказание,
Как Будда у матери в чреве.**

1958

ГРАД НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

Бьют часы на башне,
Подымается ветер,
Прохожие — в парадные,
По тротуару бегут босоножки,
Дождь за ними гонится,
Мешает платье,
И розы намокли.

Град
 расшибается вдребезги
 над самой липой.

Все же
Понемногу отворяются окна,
В серебряной чешуе мостовые,
Дети грызут ледяные орехи...

1935

ДОМ

Юность я проморгал у судьбы на задворках.
Есть такие дворы в городах —
Подымают бугры в шелушащихся корках,
Дышат охрой и дранку трясут в коробах.

В дом вошел я как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор.

Погоди, дай мне выбраться только отсюда,
Надоест мне пластаться в окне на весу,
Что мне делать, глумись надо мною, покуда
Все твои короба растрясусь.

Так себя самого я угрозами выдал.
Ничего, мы еще за себя постоим.
Старый дом за спиной набухает как идол,
Шелудивую глину трясут перед ним.

1933

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я безупречно был вооружен
И понял я, что мне клинок не нужен,
Что дудкой Марса я заморожен,
И в боевых доспехах безоружен,
Что с плеч моих плывет на землю гнет,
Куда меня судьба ни повернет,

Что тяжек я всей тяжестью земною,
Как якорь, волочащийся по дну,
И цепь разматывается за мною,
А я себя матросам не верну...
И пожелал я легкости небесной,
Сестры чудесной поросли древесной,

Затосковал и приоткрыл лицо,
И ласточки снуют, как пальцы пряхи,
Трава просовывает копьцо
Сквозь каждое кольцо моей рубахи,
Лежу, а жилы крепко сращены
С хрящами придорожной бузины.

1955

МЕЛЬНИЦА В ДАРГАВСКОМ УЩЕЛЬЕ

Все жужжит беспокойное веретено —
То ли осы снуют, то ли гнется камыш, —
Осетинская мельница мелет зерно,
Ты в Даргавском ущелье стоишь.

Там в плетеной корзине скрипят жернова,
Колесо без оглядки бежит как пришлось,
И, в толченый хрусталь окунув рукава,
Белый лебедь бросается вкось.

Мне бы мельника встретить: он жил над
рекой,
Ни о чем не тужил и ходил по дворам,
Он ходил — торговал нехорошей мукой,
Горьковатой, с песком пополам.

1935

ТЕЛЕЦ, ОРИОН, БОЛЬШОЙ ПЕС

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Вращающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забытой богом и людьми. Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.

Семь струн привязывает к ним Сапфо
И говорит:

«Взошли мои Плеяды,
А я одна в постели, я одна,
Одна в постели!»

Ниже и левей
В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца и глаз его, горящий
Среди Гиад, как Ветхого завета
Еще одна скрижаль.

Проходит время,
Но — что мне время?
Я терпелив, я подождать могу,
Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью
В своих скрипучих проволочных лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.

Я подожду, пока в лучах стеклянных
Сам Сириус — с египетской, заgrabной,
Собачьей головой —
Взойдет.

Мне раз еще увидеть суждено
Сверкающее это полотенце,
Божественную перемышку счастья,
И что бы люди там ни говорили —
Я доживу, переберу позвездно,
Пересчитаю их по каталогу,
Перечитаю их по книге ночи.

1958

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись, на прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иглой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном, на что ей
Память моя? Что ей память моя?

1929

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ВЕНЕ

**Ты безумна, Изора, безумна и зла,
Ты кому подарила свой перстень с отравой
И за дверью трактирной тихонько ждала:
Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой.**

**Ах, Изора, глаза у тебя хороши
И черней твоей черной и горькой души.
Смерть позорна, как страсть. Подожди, уже
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.** скоро,

**Так лети же, снегов не касаясь стопой.
Есть кому еще уши залить глухотой
И глаза слепотой, есть еще голодуха,
Госпитальный фонарь и сиделка-старуха.**

1960

ЗИМОЙ

Куда меня ведет подруга —
Моя судьба, моя судьба?
Бредем, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.

Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед поверх земли.

Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студеной, в час ночной,
Давным-давно, и так же глухо
Вполголоса и в четверть слуха
Гудело эхо за спиной?

1952

СИНИЦЫ

**В снегу, под небом синим,
а меж ветвей зеленым,
Стояли мы и ждали
подарка на дорожке.
Синицы полетели
с неизъяснимым звоном,
Как в греческой кофейне
серебряные ложки.**

**Могло бы показаться,
что там невесть откуда
Идет морская синька
на белый камень мола,
И вдруг из рук служанки
под стол летит посуда,
И ложки подбирает,
бранясь, хозяин с пола.**

1958

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

**В затонах остывают пароходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она —
Такие звезды блещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И — боже мой! — из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.**

1957

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья
С головы до пят
В плоть стихотворенья —

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно — во мне
Или за дверями,
В яви или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти —
Я не знаю сам,
В чем мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим
Вне календаря
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!
Строчки сами лягут...

1965

ДОРОГА

МАЛИНОВКА

Душа и не глядит
на рифму конопляную,
Сидит, не чистит перышек,
не продувает горла:
Бывало, мол, и я
певала над поляною,
Сегодня, мол, не в голосе,
в зубу дыханье сперло.

Пускай душа чуть-чуть
распустится и сдвинется
Хоть на пятнадцать градусов:
и этого довольно,
Чтобы вовсю пошла
свистать как именинница,
И стало ей, малиновке,
и весело и больно.

Словарь у нас простой,
созвучья — из пословицы.

Попробуйте, подставьте ей
 сиреневую ветку,
Она с любим из вас
 пошутит и условится,
И с собственной тетрадкой
 пойдет послушно в клетку.

1947

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —

А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

3

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах
Как мальчик привстаю на стременах.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня как нить по свету не вела.

1965

СНЫ

**Садится ночь на подоконник,
Очки волшебные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец, читает нараспев.**

**Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой.**

**Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьбы кто? И в чем твой грех?
Мы вышли из одной пещеры,
И клинопись одна для всех.**

**Явь от потопа до Эвклида
Мы досмотреть обречены.
Отдай, что взял, что видел — выдай,
Тебя зовут твои сыны.**

**И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.**

1962

ПЕТРОВСКИЕ КАЗНИ

**Передо мною плаха
На площади встает,
Червонная рубаха
Забиться не дает.**

**По лугу волю славить
С косою идет косарь.
Идет Москву кровавить
Московский государь.**

**Стрельцы, гасите свечи!
Вам, косарям, ворам,
Ломать крутые плечи
Идет последний срам.**

**У, буркалы Петровы,
Навыкате белки!
Холстинные обновы.
Сынки мои, сынки!**

1952

Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Сверла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.

Но скорее они — кредиторы
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.

Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь.
Невозможно заснуть, — так тревожна
Для покоя нам данная ночь.

1952

НОЧНАЯ РАБОТА

Свет зажгу, на чернильные пятна
Погляжу, как присяду к столу, —
Пусть поет, как сверчок непонятно,
Электрический счетчик в углу,

Пусть голодные мыши скребутся,
Словно шастать им некогда днем,
И часы надо мною смеются
На дотошном наречье своем, —

Я возьмусь за работу ночную,
И пускай их до белого дня
Обнимаются напропалую,
Пьют вино кто моложе меня.

Что мне в том? Непочатая глыба,
На́ два века труда предо мной.
Может, кто-нибудь скажет спасибо
За постылый мой подвиг ночной.

1946

БЛИЗОСТЬ ВОЙНЫ

**Кто может умереть — умрет,
Кто выживет — бессмертен будет,
Пойдет греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.**

**На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями
Пойду в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!**

**Счастливец, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей вселенной.**

**И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
И эта жизнь — плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.**

1938

ОЛИВЫ

Марине Т.

**Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких оливо,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.**

**Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.**

**А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,**

**И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.**

**Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.**

1952

**ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬВОВА.
ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА**

(октябрь 1941)

С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке,

Сумасшедший, безответный,
Бедный житель городской,
Одержимый безбилетной
Иудейскою тоской,

Не из Лодзи, так из Львова,
Не в Казань, так на Уфу.
— Это ж казнь, даю вам слово,
Без фуфайки, на фуфу!

Колос недожатой нивы
Под сверкающим серпом!
Третьи сутки жгут архивы
В этом городе чужом.

Часовой стоит на страже,
Начинается пальба,
И на крыши черной пряжей
Опускается судьба.

Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнем,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смерти, тлена
У него на языке,
Будто сам Давид из плена
К небесам воззвал в тоске.

На полу лежит в теплушке
Без подушки, без пальто
Побирушка без полушки,
Странник, беженец, никто.

Он стоит над стылой Камой.
Спит во гробе город Львов.
Страждет сын Давида — самый
Нищий из его сынов.

Ел бы хлеб, да нету соли,
Ел бы соль, да хлеба нет.
Снег растает в чистом поле,
Порастет полынью след.

1947

КНИГА ТРАВЫ

**О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.**

**Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.**

**Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.**

**Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.**

**Не луч световой у тебя за спиной,
Я — дом, разоренный войной.**

**Не дом на высоком валу крепостном,
Я — память о доме твоём.**

**Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я — выстрела дальнего звук.**

**В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду.**

**И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.**

1946

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было
Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластах пара,

И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля как древесная кора
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом
И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

ДОРОГА

Н. Л. Степанову

Я врезался в возраст учета
Не сдавшихся возрасту прав,
Как в город из-за поворота
Железнодорожный состав.

Еще я в дымящихся звездах
И чертополохе степей,
И жаркой воронкою воздух
Стекает по коже моей.

Когда отдышаться сначала
Не даст мне мое божество,
Я так отойду от вокзала
Уже без себя самого, —

Пойду под уклон за подмогой,
Прямую сгибая в дугу, —
И кто я пред этой дорогой?
И чем похвалиться могу?

1964

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

**Фиолетовой от зноя,
Остывающей рукой
Рану смертную потрогал
Умирающий Патрокл,**

**И последнее, что слышал, —
Запредельный вой тетив,
И последнее, что видел, —
Пальцы склеивает кровь.**

**Мертв лежит он в чистом поле,
И Ахилл не пьет, не ест,
И пока ломает руки,
Щит кует ему Гефест.**

**Равнодушно пьют герои
Хмель времен и хмель могил,
И вокруг горящей Трои
Гонит Гектора Ахилл.**

**Пожалел Ахилл Приама,
И несет старик Приам**

Мимо дома, мимо храма
Жертву мстительным богам.

Не Ахилл разрушит Трою,
И его лучистый щит
Справедливою рукою
Новый мститель сокрушит.

И еще на город ляжет
Семь пластов сухой земли,
И стоит Ахилл по плечи
В щебне, прахе и золе...

1965

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

I

Я не пойду на первое свиданье,
Ни в чем не стану подражать Монтану,
Не зарыдаю гулко, как Шаляпин.
Сказать — скажу: я полужил и полу-
казалось — жил,
и сам себя прошляпил.

Уймите, ради бога, радиолу!

1954

П

Июнь, июль, пройди по рынку,
Найди в палатке бой и лом
И граммофонную пластинку
Прогрей пожарче за стеклом,

В трубу немую и кривую
Пластмассу черную сверни,
Расплавь дорожку звуковую
И время дай застыть в тени.

Поостеречься бы, да поздно, —
Я тоже под иглой пою
И все подряд раздам позвездно,
Что в кожу врезано мою.

1956

СКАЗКИ

СВЕРЧОК

Если правду сказать,
я по крови — домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой,
И один для меня
приготовит крутой кипяток,
А другой для меня
приготовит шесток золотой.

Путешественник вспомнит
мой голос в далеком краю,
Даже если меня
променяет на знойных цикад.
Сам не знаю, кто выстругал
бедную скрипку мою,
Знаю только, что песнями
я, как цикада, богат.

Сколько русских согласных
в полночном моем языке,

Сколько я поговорок
 сложил в коробок лубяной,
Чтобы шарили дети
 в моем лубяном коробке,
В старой скрипке запечной
 с единственной медной струной.

Ты не слышишь меня,
 голос мой — как часы за стеной,
А прислушайся только —
 и я поведу за собой,
Я весь дом подыму:
 просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
 отзовется сигнальной трубой.

1940

ПОРТРЕТ

**Никого со мною нет.
На стене висит портрет.**

**По слепым глазам старухи
Ходят мухи,
 мухи,
 мухи.**

**— Хорошо ли, — говорю, —
Под стеклом в твоём раю?**

**По щеке сползает муха,
Отвечает мне старуха:**

**— А тебе в твоём доме
Хорошо ли одному?**

1937

ДВЕ ЛУННЫЕ СКАЗКИ

I

ЛУНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ

**В последней четверти луна
Не понапрасну мне видна.
И желтовата и красна
В последней четверти луна,
И беспокойна и смутна:
Земле принадлежит она.**

**Смотрю в окно и узнаю
В луне земную жизнь мою,
И в смутном свете узнаю
Слова, что на земле пою,
И, как на черепке, стою
На срезанном ее краю.**

**А что мне видно из окна?
За крыши прячется луна;**

**И потому как дым смутна,
Что на ущерб идет она,
И потому, что так темна,
Влюбленным нравится луна.**

1939

П

КОТЫ

**Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,
На лунных крышах, как химеры,
Вопят гундосые коты.**

**Из желобов ночное эхо
Выталкивает на асфальт
Их мефистофельского смеха
Коленчатый и хриплый альт.**

**И в это дикое искусство
Влагает житель городской
Свои предчувствия и чувства
С оттенком зависти мужской.**

**Он верит, что в природе ночи
И тьмы лоскут и сна глоток,
Что ночь — его чернорабочий.**

**А сам глядит на лунный рог,
Где сходятся, как в средоточьи,
Котов египетские очи,
И пьет бессонницы белок.**

1957

КУЗНЕЧИКИ

I

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.

Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толоч,

Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пильщик.
Я бы им песню пропел, наконец.

1935

II

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

1945

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

**До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог.**

**В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,**

**Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,**

**Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мирозданья.**

**Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду.**

**Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:**

A-13-40-25.

— Я не знаю, где тебя искать,

**Запоем мембрана телефона:
— Отвечает альфа Ориона.**

**Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда,**

**Я звезда — денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,**

**До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет.**

1940

СЕРЕБРЯНЫЕ РУКИ

Девочка Серебряные руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки хлопает стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

— Ой, березы вы мои, березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расплетите косыньки мои,

Приоденьте корнем и корою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

1940

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

О н а:

Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредешь — не добредешь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даешь?
Кто тебя еще услышит?
Что тебе делить со мной?
Он как белый голубь дышит
В колыбели лубяной.

О н:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы
глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиться.

О н а:

Где криница — там водица,
А криница на пути.

Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.
Вот он веки опускает,
И вечерний млечный хмель
Обвивает, омывает
И качает колыбель.

О н:

Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня что хочешь —
Свет вечерний, ковш кленовый, траву-подорожник...

1932

БАБОЧКА В ГОСПИТАЛЬНОМ САДУ

**Из тени в свет перелетая
(Она сама и тень и свет),
Где родилась она, такая
Почти лишенная примет?**

**Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,
Здесь на нее похожих нет,
Она из тех забытых лет,
Где капля малая лазори
Как море синее во взоре.**

**Она клянется: навсегда!
Не держит слова никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы:**

**А
и
О,**

А имя бабочки — рисунок,
Нельзя произнести его.
И для чего ей быть в покое?
Она как зеркальце простое.

Пожалуйста, не улетай,
О госпожа моя, в Китай,
Не надо, не ищи Китая,
Из тени в свет перелетая,
Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная,
Пожалуйста, не улетай!

1945

ОХОТА

Охота кончается.

**Борзая висит у меня на бедре.
Закинул я голову так, что рога уперлись
в лопатки.**

**Трублю.
Подрезают мне сухожилья.
В ухо тычут ружейным стволом.**

**Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые сучья.
Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой,
Черное окостеневшее яблоко без отражений.
Ноги свяжут и шест проденут, вскинут на плечи...**

1944

ДРИАДА

Я г о в о р ю:

**Чем стала ты, сестра моя, Дриада,
В гостеприимном городском раю?
Кто отнял дикую вольность твою?
Где же твои крыла, пленница сада?**

Д р и а д а г о в о р и т:

**Ножницы в рошу принесла досада,
И зависть выдала, в каком краю
Скрывалась я. Ты видишь, я стою —
Лира немая, музыке не рада.**

**Не называй меня сестрой своей.
Не выйду я из выгнутых ветвей,
Не перейду в твое хромое тело,**

**Не обопрусь на твои костыли.
Ты не глотнешь от моего удела —
Жить памятью о праздниках земли.**

1945

ДВЕ ЯПОНСКИЕ СКАЗКИ

I

БЕДНЫЙ РЫБАК

**Я рыбак, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло,**

**И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.**

**Мимо всей вселенной
Я пойду смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.**

1947

II

ФЛЕЙТА

Мне слышался чей-то
Затишающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студеным ручьем,
И ручей торопливо
Говорит ни о чем,

Осторожный и звонкий,
Будто веретено
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

1956

ИМЕНА

**А ну-ка Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!**

Не пытайтесь.

**Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!**

Ничего не выйдет.

**Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не называли Гришей?
Нет, не встречался, если не соврать.**

**И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят: оно
Ни дать ни взять родимое пятно.**

Недавно изобретена машинка:
Приставишь к человеку и — глядишь —
Ушная мочка, малая морщинка,
Ухмылка, крылышко ноздри, горбинка —
Пищит, как бы комарик или мышь:
— Иван!
 — Семен!
 — Василий!

Худо, братцы,
Чужая кожа пристаёт к носам.

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

1952

РУСАЛКА

Западный ветер погнал облака.
Забеспокоилась Клязьма-река.

С первого августа дочке неможется,
Вон как скукожилась черная кожица.

Слушать не хочет ершей да плотиц,
Губ не синит и не красит ресниц.

— Мама река моя, я не упрямая,
Что ж это с гребнем не сладит рука моя?

Глянула в зеркало — я уж не та,
Канула в омут моя красота.

Замуж не вышла, детей не качала я,
Так почему ж я такая усталая?

Клонит ко сну меня, тянет ко дну.
Вот я прилягу, вот я усну.

— Свет мой, икринка, лягушечья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка!

1956

ДВЕ НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

I

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

**Румпельштильцхен из сказки немецкой
Говорил:**

**— Всех сокровищ на свете
Мне живое милей!
Мне живое милей!
Ждут подземные няньки, а в детской
Во какие кроты
Неземной красоты,
Но всегда не хватает детей!**

**Обманула его королева
И не выдала сына ему,
И тогда Румпельштильцхен от гнева
Прыгнул,
за ногу взялся,**

Дернул
и разорвался
В отношении: два к одному.

И над карликом дети смеются,
И не жалко его никому,
Так смеются,
 что плечи трясутся
Над его сумасшедшей тоской
И над тем, что на две половинки —
Каждой по рукаву и штанинке —
Сам свое подземельное тело
Разорвал он своею рукой.

Непрактичный и злобный какой!

1957

II

ВИЛЛИ ШНЕЕ

Жил да был художник Вилли Шнее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды,

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
И однажды утром на картоне

Проступили крылышко и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Шнее, что настало время
С Музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Шнее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Шнее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгинули со света,
Порастряс бы ангел наши кости!
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой слоняются живые,
И висят рядком картины Шнее —
Голубые, желтые, блажные...

1957

ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛАТА

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома —

Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство —
Пятна и трещины в краске.

Будто синица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало.

Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
— Что тебе, Анька?

— Не спится.

Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.

— Я за больной.

— За которой?

— Я за детдомовской Анной.

1952

**Что ж, топочи, железная нога!
Железная не там раскрылась книга.
Живи, браток, железным усом двигай!
А мне наутро — новая туга...**

1962

НОВОСЕЛЬЕ

Исполнены диллювиальной веры
В извечный быт у счастья под крылом,
Они переезжали из пещеры
В свой новый дом.

Не странно ли? В квартире так недавно
Царили кисть, линейка и алмаз,
И с чистотою, нимфой богоравной,
Бог пустоты здесь прятался от нас.

Но четверо нечленов профсоюза —
Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей —
Контейнеры, трещавшие от груза,
Внесли, бахвалясь алчностью своей.

По-жречески приплясывая рьяно,
С молитвенным заклятием «наддай!»
Втащили Попокатепетль дивана,
Малиновый как первозданный рай.

И, показав, на что они способны,
Без помощи своих железных рук
Вскочили на буфет пятиутробный
И Афродиту подняли на крюк.

Как нежный сгусток розового сала,
Она плыла по морю одеял
Туда, где люстра как фазан сияла
И свет зари за шторой умирал.

Четыре мужа, Анадиомене
Воздав смущенно страстные хвалы,
Ушли. Хозяйка, преклонив колени,
Взялась за чемоданы и узлы.

Хозяин расставлял фарфор. Не всякий
Один сюжет ему придать бы мог:
Здесь были

свиньи,
чашки
и собаки,
Наполеон
и Китеж-городок.

Он отыскал собрание сочинений
Молоховец —
и в кабинет унес,
И каждый том, который создал гений,
Подставил как Борей под пылесос.

Потом, на час покинув нашу эру
И новый дом со всем своим добром,
Вскочил в такси
и покатил в пещеру,
Где ползал в детстве перед очагом.

Там Пень стоял, дубовый, в три обхвата,
Хранитель рода и Податель сил.
О, как любил он этот Пень когда-то!
И как берег! И как боготворил!

И Пень теперь в гостиной, в сердцевине
Диковинного капища вещей
Гордится перед греческой богиней
Неоспоримой древностью своей.

Когда на праздник новоселья гости
Сошлись и дом поставили вверх дном,
Как древле прадед,
мамонтовы кости

На нем
рубил
хозяин
топором!

1957

**ПЕРЕД
СНЕГОМ**

(Из первой книги стихов)

МАЛЮТКА ЖИЗНЬ

**Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыбакова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.**

**Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольникова с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.**

**Терзай меня, не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в судный день — с иголкой в гортани.**

**А! Этот сон! Малютка жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!**

1947

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили —
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По черным и красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

1947

МОТЫЛЕК

**Ходит мотылек
По ступеням света,
Словно кто зажег
Мельтешенье это.**

**Книжечку чудес
На лугу открыли,
Порошком небес
Подсинили крылья.**

**В чистом пузырьке
Кровь другого мира
Светится в брюшке
Мотылька-лепира.**

**Я бы мысль вложил
В эту плоть, но трогать
Мы не смеем жил
Фараона с ноготь.**

1956

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира.
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее вдвинул, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток!

1958

ТИТАНИЯ

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончаются мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист — моя броня.
Кляни меня, но не гони меня,
Убей, но не гони меня.

1958

ЮРОДИВЫЙ В 1918 ГОДУ

За кволюю душу и мертвое царское тело
Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой,
Ногами сучит на раскольников хрустком снегу:
— Ай, маменька, тятенька, бабенька, гули-агу!

Дай Феде просвирку, дай сирому Феде керёнку,
Дай, царь государь импелай Николай, на иконку!
Царица лисица, бух-бух, помалей алалей,
Дай Феде цна-цна, исцели, не стрели, Пантелей!

Что дали ему Византии орлы золотые
И чем одарил его царский штандарт над Россией,
Парад перед Зимним, Кшесинская, ленский расстрел?
Что слышал — то слушал, что слушал — понять не
успел.

Гунявый, слюнявый, трясет своей вшивой рогожей
И хлебную корочку гложет на белку похоже,
И красногвардейцу все тычется плешью в сапог.
А тот говорит: — Не трясись, ешь спокойно, браток.

1957

ИВАНОВА ИВА

**Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива, неведомо чья.**

**Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.**

**В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.**

**Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.**

1958

В ДОРОГЕ

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик
Во всей степи один с огнем.

Над полосой отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

**И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.**

1958

ДЕРЕВО ЖАННЫ

**Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна д'Арк.
Какие голоса тогда поют!**

**И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
А все уже давным-давно звучит,
И кажется, финал не за горами.**

**Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты!**

**Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,**

Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец:
Молчи! молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть — в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

ЗЕМНОЕ

**Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков,**

**И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба,
Но я человек, мне бессмертья не надо,
Страшна неземная судьба.**

**Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной.**

1960

К СТИХАМ

**Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!**

**Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.**

**Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине.**

**И я раздвинул жар березовый,
И в печь вошел, как Даниил,
И принял в ней закал свой розовый,
И как пророк заговорил.**

**Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.**

1960

ЗУММЕР

**Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.**

**Так последний связист под обстрелом
От большого пути в стороне
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.**

**На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.**

**Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.**

Это старая честь боевая
Говорит: «Я земля! Я земля!»,
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

1961

СТЕПЬ

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

А степь лежит как Ниневия,
И на курганах валуны
Спят как цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло,

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет как душу в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

1961

ТОЛЬКО ГРЯДУЩЕЕ

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы — с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа
Привыкла к телу моему. Бывало,
В окно посмотрит, полежит в постели,
К столу присядет — и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце —
наступало утро,
Всходили звезды —
наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений:
Я новое любил за новизну,
А повседневное — за повседневность,

И так как этот мир четырехмерен,
Мне будущее приходилось в пору.

Но кончилось мое уединенье.
В пятнадцатирублевый номер мой
Еще один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,
Как хромосома на стекле предметном.
Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я

Мост перекинул через речку.

Мне

Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тому, кто потерял себя!
Хвала тебе, мой быт, лишенный быта!
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, иных времен язык!
Сто лет пройдет — нам не понять его,
Я перед ним из «Слова о полку»,
Лежу себе, побитый татарвой,
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копье торчит в траве,

а на копье

Степной орел седые перья чистит.

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу.

1957

РУКОПИСЬ

А. А. Ахматовой

**Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.**

**Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.**

**Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе**

**И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.**

1960

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕНЬ НА ПУТИ

Словарь	5
До стихов	7
Рифма	8
Песня под пулями	10
Поэты	11
Стихи в тетрадах	12
Эсхил	13
Камень на пути	14
Поэт	15
Из старой тетради	18
Стирка белья	19
Как двадцать два года тому назад	21
Через двадцать два года	22
Комитас	24
После похорон Н. А. Заболоцкого	26
Степная дудка	
I. «Жили, воевали, голодали...»	27
II. «На каждый звук есть эхо на земле...»	28
III. «Где вьюгу на латынь...»	29
IV. «Земля неплодородная, степная...»	30
О, только бы привстать	31
Поздняя зрелость	32
Явь и речь	33

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Надпись на книге	37
Песня	38
Прохожий	39
Первые свидания	40
Вчера и сегодня	42
«Я уже слышала эту песню»	43
Под прямым углом	45
Игнатьевский лес	46
Темнеет	47
Ночной дождь	48
Эвридика	50
Ночь под первое июня	52

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Весенняя пиковая дама	55
Фонари	57
Шиповник	59
Ялик	60
Белый день	61
Дом под горой	62
Дагестан	63
Деревья	65
Из окна	67
Град на Первой Мещанской	68
Дом	69
Превращение	70
Мельница в Даргавском ущелье	71
Телец, Орион, Большой пес	72

Перед листопадом	74
Снежная ночь в Вене	75
Зимой	76
Синицы	77
Конец навигации	78
Новогодняя ночь	79

ДОРОГА

Малиновка	83
Жизнь, жизнь	85
Сны	87
Петровские казни	89
Бессонница	90
Ночная работа	92
Близость войны	93
Оливы	94
Портной из Львова. Перелицовка и починка	96
Книга травы	98
Полевой госпиталь	100
Дорога	102
Мщение Ахилла	103
Грамофонная пластинка	
I. «Я не пойду на первое свиданье...»	105
II. «Июнь, июль, пройди по рынку...»	106

СКАЗКИ

Сверчок	109
Портрет	111
Две лунные сказки	
I. Луна в последней четверти	112
II. Коты	114

Кузнечики	
I. «Тикают ходики, ветер горячий...»	116
II. «Кузнечик на лугу стрекочет...»	117
Звездный каталог	118
Серебряные руки	120
Колыбель	121
Бабочка в госпитальном саду	123
Охота	125
Дриада	126
Две японские сказки	
I. Бедный рыбак	128
II. Флейта	129
Имена	130
Русалка	132
Две немецкие сказки	
I. Румпельштильцхен	134
II. Вилли Шнее	136
Четвертая палата	138
Кузнец	140
Новоселье	142

ПЕРЕД СНЕГОМ

Малютка жизнь	147
Верблюд	148
Мотылек	150
Посредине мира	151
Титания	152
Юродивый в 1918 году	153
Иванова ива	154
В дороге	155

Дерево Жанны	157
Земное	159
К стихам	160
Зуммер	162
Степь	164
Только грядущее	166
Вещи	168
Рукопись	170

Тарковский Арсений Александрович

ЗЕМЛЕ — ЗЕМНОЕ

М., «Советский писатель», 1966. 176 стр. + 1 илл.

Тем. план вып. 1966 г. № 220

Редактор *Д. Н. Голубков*

Художник *В. Г. Виноградов*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*

Корректор *Ф. Л. Эльштейн*

Сдано в набор 16/X 1965 г.

Подписано к печати 15/II 1966 г.

А 01982. Бумага 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 51¹/₂ + 1 вкл. (7,79). Уч.-изд. л. 3,57.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 428.

Цена 33 коп.

Текст отпечатан на бумаге тип. № 1

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездинковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

